

Спину обожгло острой болью. Фу Мянй нахмурился и резко скомандовал пытавшемуся подбежать к ним Тао Ляэну:

— Не подходи! Держись дальше!

Одновременно с этим он со всей дури наступил Тао Цзяньюаню на ногу.

Тао Цзяньюанй грязно выругался, схватил Фу Мянй за волосы и швырнул его головой о стену.

— Брат!

Тао Цзяньюанй сжал шею Фу Мянй одной рукой, а второй с размаху врезал ему кулаком в живот:

— Будешь знать, как совать нос не в своё дело!

Фу Мянй крепко стиснул зубы, из его груди вырвался глухой стон.

— Тао Цзяньюанй, а ну прекрати!

У Тао Ляэна от паники уже слёзы наворачивались на глаза. Наплевав на всё, он на полной скорости понёсся прямо на Тао Цзяньюаня.

В тот момент, когда мужчина заносил кулак для второго удара, Тао Ляэн мёртвой хваткой вцепился в его руку и снова изо всех сил укусил за предплечье.

— А-а-а!

Лицо Тао Цзяньюаня исказилось от боли. Он схватил Тао Ляэна за волосы и наотмашь отшвырнул в сторону:

— Да как я вообще умудрился породить на свет такого мелкого ублюдка!

При виде этого лицо Фу Мянй изменилось, а во взгляде вспыхнула леденящая ярость.

Невзирая на ломоту во всём теле, он стремительно бросился на Тао Цзяньюаня.

И как раз в это мгновение снизу донёсся топот множества спешащих ног. Буквально в мгновение ока на лестничный пролёт влетели несколько охранников в одинаковой униформе со спецсредствами в руках.

Охранниками в этой школе работали бывшие военные в отставке – все как один крепкие и сильные мужчины. Буквально за пару секунд они скрутили и обездвижили Тао Цзяньюаня.

— Отпустите меня, бл*ть!

— Я пришёл забрать своего собственного сына, какое вы имеете право меня вязать?!

— А ну тихо! Не рыпайся!

Никто так и не заметил, что стоявший рядом подросток сжимал в руке острое лезвие канцелярского ножа, которое безмолвно поблескивало холодным стальным блеском.

Опоздай охрана хоть на шаг, и он вонзил бы этот нож прямо в тело Тао Цзяньюаня.

Фу Мянью спрятал леденящую ярость в глазах и незаметно убрал нож обратно в карман.

Он быстро подошёл к Тао Ляню и крепко прижал к себе напуганного до смерти малыша.

Тао Лян изо всей силы обхватил Фу Мянью своими крошечными ручками за талию. Едва выговорив “брат”, он больше не смог сдерживаться и разрыдался:

— Брат... у-у-у...

Фу Мянью погладил Тао Ляня по голове, а затем принялся успокаивающе водить ладонью по его спине, ласково и тихо приговаривая:

— Ян-ян, всё хорошо. Всё уже позади.

От утренней недомолвки и раздражения в его душе не осталось и следа.

Тао Лян плакал навзрыд – не только из-за того, что случилось только что, но и из-за всего, что произошло в его прошлой жизни.

Его слёзы быстро промочили одежду Фу Мянью. С дрожащими губами он, всхлипывая, пробормотал:

— Брат, прости меня... Это всё из-за меня...

Фу Мянью слегка отстранил Тао Ляня, опустил перед ним на корточки и, бережно вытирая слёзы с лица ребёнка, серьёзно посмотрел ему в глаза:

— Это не твоя вина, Ян-ян.

— Дай-ка я посмотрю, ты нигде не поранился?

— У-у-у, я в порядке... — всё ещё плакал Тао Лян. В его больших, полных слёз глазах застыли глубокое чувство вины и тревога. — Брат... Брат, тебе ведь, наверное, очень больно? Дай я посмотрю.

— Со мной тоже всё в порядке.

Двое охранников увели присмирившего Тао Цзяньюаня, а оставшиеся двое остались присматривать за Тао Лянем и Фу Мянью, попутно связываясь с их родителями.

Вскоре, узнав о случившемся, на место в полной панике примчались учителя.

У ворот школы всё ещё дежурил водитель семьи Фу, который тут же повёз обоих мальчиков в больницу на осмотр.

С Тао Лянем ничего серьёзного не произошло: на теле осталось лишь несколько синяков от падения, да попа знатно распухла после шлепков Тао Цзяньюаня.

С Фу Мянью тоже не случилось ничего непоправимого: он лишь слегка рассёк лоб. После дезинфекции и обработки рану просто закрыли марлевой повязкой - зашивать её не потребовалось.

От удара Тао Цзяньюаня в живот внутренние органы, к счастью, не пострадали, разве что синяк выглядел довольно пугающе.

Вскоре в больницу, едва узнав о случившемся, примчались Фу Цзунчэн и дядя Ци.

Тао Лэян всё ещё пребывал в глубоком чувстве вины. Сгорая от стыда, он низко опустил голову и с покрасневшими глазами тихонько извинился перед Фу Цзунчэном:

— Дядя Фу, простите меня... Это из-за меня брат пострадал...

Фу Цзунчэн не был человеком неразумным; нельзя вымещать злость за поступки взрослых на невинном ребёнке.

Ему было лишь бесконечно жаль Тао Лэяна: мать умерла рано, вдобавок достался такой биологический отец, а мальчик в столь нежном возрасте уже рос таким понимающим.

— Хороший мой, твоей вины тут нет.

Фу Цзунчэн опустился перед Тао Лэяном на корточки и ласково погладил его по голове:

— Живи в нашем доме со спокойной душой. Дядя Фу ни за что не позволит твоему отцу забрать тебя.

Тао Лэян угукнул, и из его глаз снова невольно брызнули слёзы.

В прошлой жизни дядя Фу хоть и не проявлял к нему особой нежности, но в плане еды, одежды и расходов никогда его не обделял, обеспечивая точно так же, как и Фу Мян.

И именно из-за его родного отца дядя Фу едва не лишился жизни.

Тао Лэян не сдержался, подбежал и крепко обнял Фу Цзунчэна. В его сугубо детском, мягком голоске слышался плач:

— Простите меня, дядя Фу...

Фу Цзунчэн на мгновение так и застыл. С непривычки от такой внезапной детской близости он почувствовал себя слегка неловко – в конце концов, его собственный сын никогда его так не обнимал и не ластился к нему.

“Всё-таки Ян-ян такое золото”.

— Ну всё, всё, всё хорошо, не плачь, не плачь.

— Дядя Фу в какой-нибудь из дней обязательно сводит тебя в парк аттракционов.

— Угу...

Что же касается Тао Цзяньюаня, то раз уж он посмел поднять руку и ранить Фу Мян, Фу Цзунчэн, разумеется, не собирался спускать ему это с рук.

Для начала он поручил своим людям проучить подлеца как следует, а уже потом сдать в полицейский участок – чтобы его засадили туда на максимально возможный срок.

Вечером, когда они вернулись в особняк Фу, Тао Лэян всё ещё ходил чернее тучи. Он сделался куда молчаливее обычного, а его глаза опухли и покраснели от слёз.

Дядя Ци, глядя на него, едва не исходил сердцем от жалости, поэтому тут же поспешил на

кухню, чтобы велеть поварам приготовить любимый поздний ужин Тао Лэяна.

Фу Мянью, очевидно, тоже заметил подавленное состояние Тао Лэяна. Он не умел говорить всякие утешительные слова, поэтому просто распечатал совершенно новый пазл и усадил Тао Лэяна собирать его вместе с ним.

Тао Лэян витал в облаках и несколько раз перепутал детальки, а когда они не подходили, пытался втиснуть их силой.

Фу Мянью позволял ему делать всё, что хочется.

Спустя какое-то время Тао Лэян придвинулся ближе и спросил:

— Брат, а твоя рана всё ещё болит?

— Если ты подуешь, то перестанет.

Тао Лэян послушно выполнил просьбу: он слегка закинул голову и несколько раз бережно подул на рану на лбу Фу Мянью.

— Вот и не болит больше.

Тао Лэян хоть и не был на самом деле шестилетним ребёнком, но всё равно поддался на эту уловку.

На его лицо вернулась улыбка, обнажив щербинку от выпавшего зуба, из-за чего он по-прежнему забавно шепелявил:

— Брат, а я думал, что ты разозлился и не придёшь за мной в класс.

— Ну, — Фу Мянью аккуратно поставил детальку пазла на планшет и довольно равнодушно добавил:

— Я действительно разозлился.

Тао Лэян растянулся на ковре и, упершись ладонями в ворс, подобрался поближе к Фу Мянью. Всё так же лучезарно улыбаясь, он протянул:

— Но ты ведь всё равно пришел за мной.

Фу Мянью безжалостно отодвинул в сторону придвинувшуюся к нему маленькую голову. Минутка нежности подошла к концу – судя по всему, пришло время сводить старые счёты.

— И почему же я разозлился?

— Потому что утром я раскапризничался и наговорил тебе лишнего.

— Неверно.

Тао Лэян озадаченно нахмурил крошечные бровки:

— А из-за чего тогда?

Фу Мянью лишь смерил его коротким взглядом:

— Сам подумай.

<http://bllate.org/book/21371/2254477>